

Проблемный результат отечественного правотворчества: законодательное установление охраны «жизни или здоровья животных и растений»

Д.Б. Горохов

ведущий научный сотрудник отдела экологического и аграрного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук. Адрес: 117218, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34. E-mail: julia7709@yandex.ru

Аннотация

В статье дан результат комплексного исследования новой правовой категории — «жизнь или здоровье животных и растений», присутствующей в нескольких действующих и проектируемых федеральных законах. Цель исследования, проведенного с использованием формально-юридического и системного методов, а также метода моделирования, выяснить, какова корреляция этой категории с законодательством и правовой системой в целом. Доказывается, что исследованные нормы противоречат положениям Конституции и всему остальному законодательству России, более того — фундаментальным основам права, относящего животных и растения не к субъектам, а к объектам правоотношений. Конструкция критикуемых норм такова, что потерпевшими от административного правонарушения и кредиторами по возмещению вреда жизни и здоровью должны признаваться не только люди, но и животные и растения. Анализ судебной практики показывает, что эти нормы не принесут пользы в деле защиты животных от жестокого обращения, а объектов животного мира, растений, леса и лесных ресурсов — от истребления, незаконного использования и вредных последствий хозяйственной деятельности человека, поскольку они не применимы на практике. Обнаружена причина проникновения норм о защите «жизни или здоровья животных и растений» в российское законодательство: неадаптированная имплементация формулировок некоторых международных договоров России без учета особенностей российской правовой системы. Анализ публикаций по теме свидетельствует о попытках научного обоснования сомнительной легитимации, что подтверждает авторскую гипотезу о возможной угрозе деформации российской правовой доктрины. Названы и классифицированы ошибки, ставшие причиной критикуемого состояния отдельных норм федеральных законов. Обоснована необходимость приведения терминологии и содержания отдельных критикуемых норм в соответствие с положениями Конституции России и нормами федеральных законов в сферах охраны здоровья граждан и окружающей среды, природопользования, защиты имущественных прав физических и юридических лиц. В связи с этим даны рекомендации к планированию и согласованности предлагаемой работы на стадии правотворчества, использованию юридической технологии.

Ключевые слова

правовой режим животных и растений, гуманное отношение к животным, юридическая защита «жизни или здоровья животных и растений», ответственность за причинение вреда «жизни или здоровью животных и растений», правосубъектность животных и растений, техническое регулирование, имплементация международно-правовых норм, правотворчество.

Для цитирования: Горохов Д.Б. Проблемный результат отечественного правотворчества: законодательное установление «жизни или здоровья животных или растений» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 45–78.

УДК: 340

DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.2.45.78

Введение

Животные и растения являются не субъектами, а объектами различных правоотношений. Это — аксиома. Однако в отдельных актах российского законодательства, а также в некоторых проектируемых нормах содержатся положения, «переводящие» животных и растения из объектов правоотношений в категорию субъектов. К такому выводу приводит анализ Федерального закона от 27.12.2002 №184-ФЗ «О техническом регулировании» (далее — Закон о техническом регулировании)¹, Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ, КоАП), проектов нового КоАП и Кодекса об административной ответственности². Применительно к животным та же тенденция прослеживается в федеральных законах от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (далее — Закон об обращении лекарственных средств)³ и от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о животных)⁴.

Названные действующие и проектируемые законы оперируют категорией «жизнь или здоровье животных и растений» либо «жизнь или здоровье жи-

¹ СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. I). Ст. 5140.

² Проект Кодекса об административной ответственности внесен в Государственную Думу 30.10.2015 депутатом А.А. Агеевым. Проект отклонен постановлением Государственной Думы № 4681-7 ГД от 25.07.2018 // СПС «КонсультантПлюс». Проект Кодекса об административных правонарушениях внесен в Государственную Думу 18.12.2015 депутатами В.А. Васильевым, В.Н. Плигиным, С.А. Поповым, Д.Ф. Вяткиным и В.А. Поневежским. Проект закона отклонен постановлением Государственной Думы № 4685-7 ГД от 25.07.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

³ СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.

⁴ СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. 1). Ст. 8424.

вотных», дающей повод для рассуждений об ограниченной правосубъектности или квази-правосубъектности животных и растений. Такой подход законодателя не согласуется с конституционными нормами. В Конституции Российской Федерации заложена основа правосубъектности, принадлежащей человеку и гражданину⁵. В главе 1 «Основы конституционного строя» Конституции человек, его права и свободы закреплены в качестве высшей ценности [Зорькин В.Д., 2014: 79–80, 467–469]. Обязанностью государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 1).

Российская Конституция устанавливает охрану жизни и здоровья исключительно человека, поскольку Россия — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие именно человека (ст. 7). Животные и растения в Конституции не упоминаются, используется универсальное понятие «природные ресурсы». Для природных ресурсов устанавливается иной, чем для субъектов правоотношений, правовой режим: они могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (ст. 9). При этом земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Владение, пользование и распоряжение природными ресурсами осуществляется их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц (ст. 41). Декларируется обязанность каждого субъекта правоотношений сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58). Животные (сельскохозяйственные, домашние и пр., находящиеся в неволе) и растения как объекты права собственности подпадают под действие ст. 35, устанавливающей право человека и гражданина иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им.

В Конституции последовательно проведено различие между субъектами правоотношений — человеком и гражданином и окружающей его средой, включая природные ресурсы, к которым относится животный и растительный мир, в том числе лес, а также между сельскохозяйственными, домашними и прочими животными и растениями, выступающими объектами правоотношений.

В наши дни устоявшиеся подходы к вопросам правосубъектности подвергаются серьезному переосмыслению прежде всего в связи с цифровизацией, диктующей необходимость новых правовых решений: это и проблемы юридически значимой идентификации «цифровой личности» в правовом

⁵ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 1994. С. 56–61, 147–156.

пространстве, и «цифровые права личности» (такие, как право на доступ к Интернет-ресурсам и «право на забвение в Сети») [Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н., 2018: 94–95]. Острой становится проблема правосубъектности роботов, которые способны осуществлять самостоятельные действия и адаптироваться к окружающей среде [Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А., 2018: 24–48]. На наш взгляд, вопрос о правосубъектности животных и тем более растений никак нельзя ставить в один ряд с названными проблемами даже в порядке аналогии, нельзя говорить об их ограниченной правосубъектности или квази-правосубъектности. По существу речь должна идти лишь о развитии давно признанного российским гражданским правом принципа гуманного отношения к животным, чему нисколько не противоречит их правовой режим объектов правоотношений. Животные наделены чувствами и, являясь имуществом, не могут рассматриваться только как вещи, они должны быть защищены от жестокого обращения.

Автор целиком разделяет идею законодательной гуманизации отношения к животным, но выступает решительно против непродуманных и нежизнеспособных способов ее реализации, которые не могут принести пользы в этом благородном деле, но могут нанести вред правовой системе.

1. Категория «жизнь или здоровье животных и растений» в отдельных законодательных актах Российской Федерации

1.1. Впервые термин «жизнь или здоровье животных и растений» (здесь и далее курсив мой. — прим. авт.) появился в Законе о техническом регулировании. Ключевым для темы статьи является определение «безопасности продукции и связанных с ней процессов производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации» (ст. 2 Закона). Безопасность определяется как состояние, при котором отсутствует недопустимый риск, связанный с причинением «вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений». В определении понятия «риск» также указана вероятность причинения вреда жизни или здоровью не только граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, но и «жизни или здоровью животных и растений с учетом тяжести этого вреда». Среди целей принятия технических регламентов в ст. 6 Закона наравне с защитой жизни или здоровья граждан указана защита жизни или здоровья животных и растений. Отмеченные формулировки носят декларативный характер, но декларацией законодатель не ограничился.

Так, в соответствии с Законом о техническом регулировании ветеринарно-санитарными и фитосанитарными мерами могут предусматриваться требования к продукции, методам ее обработки и производства, процедурам испытания продукции, инспектирования, подтверждения соответствия, карантинные правила, в том числе требования, связанные с перевозкой животных и растений, необходимых для обеспечения жизни или здоровья животных и растений во время их перевозки (п. 9 ст. 7).

Уполномоченный Правительством России федеральный орган исполнительной власти должен организовать постоянные учет и анализ всех случаев причинения вреда вследствие нарушения требований технических регламентов жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений с учетом тяжести этого вреда, а также обеспечить информирование приобретателей, в том числе потребителей, изготовителей и продавцов, о ситуации в области соблюдения требований технических регламентов (п. 12 ст. 7).

Обратим особое внимание на следующие положения Закона о техническом регулировании. Если в результате несоответствия продукции требованиям технических регламентов, нарушений требований технических регламентов при осуществлении связанных с требованиями к продукции процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации причинен вред жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений или возникла угроза причинения такого вреда, изготовитель (исполнитель, продавец, лицо, выполняющее функции иностранного изготовителя) обязан возместить причиненный вред и принять меры в целях недопущения причинения вреда другим лицам, их имуществу, окружающей среде в соответствии с законодательством (п. 3 ст. 36).

Таким образом, Закон о техническом регулировании в части охраны жизни и здоровья «уравнял» граждан (субъектов правоотношений) с животными и растениями (объектами правоотношений). Конструкция норм Закона о техническом регулировании такова, что потерпевшими от правонарушения и кредиторами по возмещению вреда жизни и здоровью должны признаваться не только люди, но и животные и растения.

Необъяснимо, почему законодатель не видит различия в правоотношениях, возникающих в связи с охраной жизни и здоровья граждан и охраной животных и растений в качестве природного ресурса, компонента окружающей среды или имущества. Критикуемая формула о жизни или здоровье

животных и растений присутствовала в Законе о техническом регулировании с момента его принятия (2002 г.). За 16 лет после его принятия он подвергался изменениям 25 раз⁶. Подчеркнем, что при такой законодательной активности многочисленные поправки не коснулись формулы «причинение вреда жизни или здоровью животных и растений» либо «создание угрозы причинения вреда жизни или здоровью животных и растений».

1.2. Критикуемые нормы указанного Закона проникли и в действующий КоАП РФ⁷ почти через девять лет после его принятия. Федеральным законом от 18.07.2011 № 237-ФЗ⁸ в КоАП внесены изменения в части установления ответственности за причинение «вреда жизни или здоровью животных и растений», включая «угрозу причинения такого вреда». В результате критикуемая формулировка содержится в следующих статьях КоАП: ч. 2 ст. 9.4 «Нарушение обязательных требований в области строительства и применения строительных материалов (изделий)»; ч. 2 ст. 14.43 «Нарушение изготовителем, исполнителем (лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя), продавцом требований технических регламентов»; ч. 3 ст. 14.44 «Недостоверное декларирование соответствия продукции»; ч. 2 ст. 14.46 «Нарушение порядка маркировки продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия».

Перечисленные нормы формулируют составы правонарушений, устанавливают требования к субъектам экономической (хозяйственной, предпринимательской) деятельности, а за их нарушение предусматривают ответственность. На основании этих норм на практике должны осуществляться квалификация правонарушений, назначение наказания виновным, а также возмещение потерпевшим (кредиторам) причиненного вреда их жизни или здоровью. Напомним, что «потерпевшие» — животные и растения. В КоАП РФ включено требование Закона о техническом регулировании, что вред жизни или здоровью животных и растений подлежит возмещению с учетом тяжести этого вреда. Имеющиеся составы правонарушений являются квалифицированными, у них выше общественная опасность и тяжесть последствий, за их совершение предусматривается повышенная ответственность по сравнению с ответственностью за совершение правонарушений, квалифицируемых по основным составам.

Правомерны вопросы: каким способом установить факт причинения вреда здоровью пострадавшего животного или растения, как определить степень

⁶ Использован текст закона в редакции всех изменений по состоянию на январь 2019 г., включая редакцию Федерального закона от 29.07.2017 № 216-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4765).

⁷ Использован текст КоАП по состоянию на январь 2019 г., включая редакцию Федерального закона от 27.12.2018 № 570-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8496.

⁸ СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. I). Ст. 4585.

его тяжести? Какой орган должен этим заниматься? Применительно к человеку такой вред определяется в виде легкого расстройства здоровья, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью. По отношению к животным и растениям юридический порядок определения и оформления вреда здоровью, влияющего на их жизнеспособность, не установлен. Аналогия с человеком в этом случае неприменима. Как в такой ситуации работать правоприменителям и как воспользоваться своим правом и реализовать его «потерпевшим»? Поставленные вопросы применительно к животным и растениям звучат абсурдно, но они прямо следуют из норм, содержащихся в Законе о техническом регулировании и КоАП.

Критикуемые нормы действующего КоАП были инкорпорированы в проекты Кодекса об административной ответственности и нового Кодекса об административных правонарушениях без каких-либо изменений.

1.3. С критикуемыми нормами Закона о техническом регулировании связан и Закон об обращении лекарственных средств. Он регулирует одновременно обращение медицинских лекарственных средств (используемых для лечения людей) и обращение ветеринарных лекарственных средств (применяемых для лечения животных) [Путило Н.В., 2017: 5–210]. Такой подход последовательно выдержан в названном Законе⁹.

В структуре Закона, состоящего из 16 глав и 71 статьи, нет отдельной главы, посвященной исключительно ветеринарным лекарственным средствам. Имеется лишь несколько норм, устанавливающих специфику регулирования их обращения (п. 36 ст. 4, ч. 3 ст. 14, ст. 17, ст. 31, ч. 3 ст. 33, ч. 11 ст. 46, ч. 4 ст. 55). В ст. 4 Закона дано единое определение «лекарственных средств» (п. 1) и не содержится определения понятия «ветеринарные лекарственные средства». Лишь по логике основных определений, данных в ст. 4 Закона, можно сделать вывод, что все лекарственные средства разделяются на две группы: лекарственные средства медицинского применения и лекарственные средства ветеринарного применения. Предметом регулирования большинства статей Закона является обращение лекарственных средств и медицинского, и ветеринарного применения, лишь 3 из 16 его глав посвящены лекарственным средствам исключительно медицинского применения¹⁰.

⁹ Необычный подход к выбору предмета регулирования Закона об обращении лекарственных средств, а также особенностей терминологии и содержания его норм специалисты не замечают.

¹⁰ Глава 7 «Клинические исследования лекарственных препаратов для медицинского применения, договор об их проведении, права пациентов, участвующих в этих исследованиях»; гл. 12 «Государственное регулирование цен на лекарственные препараты для медицинского применения»; гл. 15 «Ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации при обращении лекарственных средств и возмещение вреда, причиненного здоровью граждан вследствие применения лекарственных препаратов».

Формула, подвергаемая нашей критике — «жизнь или здоровье человека либо животного», неоднократно применяется в Законе об обращении лекарственных средств. На предупреждение риска причинения вреда или угрозы «жизни или здоровью человека либо животного» направлен фармаконадзор¹¹, осуществляемый уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (ст. 64). В частях 2–5 названной статьи варьируются понятия «риск», «угроза» и «вред» «жизни или здоровью человека либо животного». Результатом осуществления фармаконадзора может быть принятие уполномоченным федеральным органом исполнительной власти решения о приостановлении применения лекарственного препарата. В частности, такое решение может быть принято при получении информации о нежелательных реакциях при применении лекарственного препарата, не указанных в инструкции по его применению, о серьезных нежелательных реакциях, об особенностях его взаимодействия с другими лекарственными препаратами, которые могут представлять угрозу жизни или здоровью человека либо животного (ст. 65).

Важное значение для исследуемой темы имеет гл. 15 Закона, посвященная ответственности за нарушение законодательства при обращении лекарственных средств и возмещения вреда, причиненного здоровью граждан вследствие применения лекарственных препаратов. И в наименовании главы, и в двух ее статьях (ст. 68, 69) речь идет исключительно о вреде, причиненном здоровью граждан. Следует отметить как положительный тот факт, что в эти нормы не включена критикуемая формула о вреде здоровью животных применительно к возмещению причиненного вреда их жизни или здоровью. Выше уже отмечены проблемы, неизбежно встающие в практике применения норм КоАП, корреспондирующих требованию Закона о техническом регулировании о том, что вред жизни или здоровью животных и растений подлежит возмещению с учетом тяжести этого вреда.

Вместе с тем неясно, почему Законом об обращении лекарственных средств, в котором последовательно сформулированы нормы, направленные на защиту «жизни или здоровья животных» наряду с защитой жизни и здоровья человека, не предусматривается такая защита в виде возмещения вреда собственникам (владельцам) животных. Речь идет о гражданах, физических лицах и юридических лицах, принадлежащие которым животные пострадали от применения фальсифицированных, недоброкачественных или контрафактных лекарственных средств. Это явное упущение законода-

¹¹ «Фармаконадзор» — вид мониторинга лекарственных препаратов, направленный на выявление, оценку и предотвращение нежелательных последствий их применения (п. 52.1 ст. 4 Закона об обращении лекарственных средств); см. также: Приказ Росздравнадзора от 15.05.2017 № 1071 «Об утверждении Порядка осуществления фармаконадзора». Available at: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.03.2017)

теля, в результате которого в созданном с помощью Закона об обращении лекарственных средств механизме защиты от небезопасных и неэффективных лекарственных средств ветеринарного применения отсутствует важнейший элемент — ответственность за реально причиненный животному вред с юридической гарантией его возмещения.

Итак, Закон об обращении лекарственных средств проникла критикуемая формула в части охраны «жизни или здоровья животных», что свидетельствует об укреплении тенденции к «переводу» животных и растений в категорию субъектов правоотношений. Вместе с тем данный Закон не содержит норм о возмещении вреда «жизни или здоровью животных», ограничивая ответственность возмещением вреда здоровью граждан.

С одной стороны, отмеченное не вносит в законодательство еще больших противоречий и несогласованности, чем уже внесено Законом о техническом регулировании и нормами некоторых статей КоАП, но с другой порождает правовую неопределенность в вопросе защиты животных от небезопасных и неэффективных лекарственных средств и не дает юридической возможности возмещения вреда надлежащему потерпевшему, т.е. собственнику (владельцу) пострадавшего животного.

1.4. Закон о животных среди целей правового регулирования называет защиту животных, (а не защиту их жизни или здоровья), укрепление нравственности, соблюдение принципов гуманности, обеспечение безопасности и иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными (ст. 1). В целом Закон довольно ограниченно оперирует формулой «жизнь или здоровье животных».

В ст. 3 формула «жизнь или здоровье животного» использована в определении понятия жестокого обращения с животными. Часть 2 ст. 15 («Требования к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию») предусматривает, что условия использования животных не должны причинять вреда их жизни и здоровью, а ч. 6 запрещает использование лекарственных препаратов для ветеринарного применения и иных веществ, причиняющих вред здоровью животных; в ст. 17 («Общие положения деятельности по обращению с животными без владельцев») в качестве одной из целей такой деятельности названо оказание помощи животным, находящимся в опасном для их жизни состоянии (п. 5 ч. 1); в ст. 18 («Организация мероприятий при осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев») указано, что индивидуальные предприниматели и юридические лица, осуществляющие отлов животных без владельцев, несут ответственность за их жизнь и здоровье (п. 4 ч. 2).

Терминологически и содержательно Закон о животных вызывает много вопросов, особенно в части его согласованности с другими законами, в

том числе с Гражданским кодексом РФ (далее — ГК РФ). Например, не используется термин «собственник», вместо него вводится понятие «владелец животного» — физическое или юридическое лицо, которым животное принадлежит на праве собственности или ином законном основании. Новым для российского законодательства является понятие «животное без владельца»: под таковым понимается «животное, которое не имеет владельца или владелец которого неизвестен» (ст. 3). Введение этого термина является неоправданным, поскольку на языке гражданского законодательства «животные без владельца» называются иначе — «безнадзорные животные» (ст. 230 ГК РФ). В задачи автора в рамках настоящей статьи не входит анализ Закона о животных, однако и поверхностного взгляда достаточно, чтобы прогнозировать проблемы в его применении, если противоречия и несоответствия действующему законодательству и прежде всего ГК РФ начинаются уже с основных понятий, используемых в новом и долгожданном законе.

Многочисленные законодательные инициативы, направленные на устранение правового пробела в регулировании отношений по поводу животных, проходили под девизом его гуманизации. Однако законодательная гуманизация отношения к животным вовсе не требует отрыва правового регулирования от цивилистической основы, на которой оно традиционно базировалось. В результате принятия Закона о животных этот отрыв произошел, что, на наш взгляд, повлечет далеко идущие неблагоприятные последствия в правовом регулировании обращения с животными.

2. Несовместимость категории «жизнь или здоровье животных и растений» с отраслевым законодательством

Нами было проведено скрупулезное исследование нескольких отраслей федерального законодательства для выяснения, существует ли корреляция правовой категории «жизнь или здоровье животных и растений» и законодательства, с которым эта категория должна быть органически связана — законодательством об охране здоровья, о ветеринарии и животноводстве, аграрным, экологическим и гражданским законодательством.

2.1. В сфере охраны здоровья базовым является Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Закон об основах охраны здоровья граждан)¹². Все остальные законы и правовые акты, включающие в свой предмет регулирования «охрану здоровья» во взаимосвязи с защитой права на жизнь, должны быть скоординированы с этим Законом. Координация и согласованность

¹² СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

норм законодательства об охране здоровья граждан между различными нормативными правовыми актами в этой сфере регулирования рассматриваются специалистами [Габов А.В., Путило Н.В., 2015: 22–23, 27, 30]; [Хабриева Т.Я., Тихомиров Ю.А., 2015: 193–205]. Обратим внимание, что само понятие «здоровье», сформулированное в названном Законе, применимо исключительно к человеку: «Здоровье» — состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма (ст. 2). Среди принципов правового регулирования охраны здоровья, установленных в статьях 3, 4, 5 Закона, отметим следующие:

нормы об охране здоровья, содержащиеся в других федеральных законах, иных нормативных правовых актах, законах и иных нормативных правовых актах субъектов федерации, не должны противоречить нормам настоящего федерального закона;

в случае несоответствия норм об охране здоровья, содержащихся в других федеральных законах, иных нормативных правовых актах, законах и иных нормативных правовых актах субъектов федерации, нормам настоящего федерального закона применяются нормы настоящего федерального закона.

Приоритет Закона об основах охраны здоровья граждан над иными нормативными правовыми актами, имеющим тот же или сходный предмет регулирования означает и то, что они должны использовать терминологию названного Закона.

2.2. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее — Закон о санитарно-эпидемиологическом благополучии)¹³ регулирует отношения, возникающие в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения как одного из основных условий реализации конституционных прав граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду (ст. 4). Животные и растения как объекты правовой охраны в данном Законе не рассматриваются.

Законы об основах охраны здоровья граждан и о санитарно-эпидемиологическом благополучии терминологически и содержательно согласуются между собой и соответствуют положениям Конституции. При этом ни в Конституции, ни в этих федеральных законах нет упоминаний об охране жизни или здоровья и возмещении причиненного вреда животным и растениям. Оба федеральных закона обеспечивают охрану и благополучие в сферах здоровья, санитарии и эпидемиологии исключительно в интересах человека как субъекта правоотношений.

Теперь обратимся к федеральным законам, регулирующим отношения по охране окружающей среды, охране и использованию животного и расти-

¹³ СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

тельного мира. Коснемся и федерального законодательного регулирования аграрных отношений (в сфере сельского хозяйства).

2.3. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее — Закон об охране окружающей среды)¹⁴ имеет предметом регулирования отношения в сфере взаимодействия общества и природы, возникающие при хозяйственной и иной деятельности, связанной с воздействием на природную среду как важнейшую составляющую окружающей среды, являющуюся основой жизни на Земле, в пределах территории России, а также на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне России.

Этот Закон (ст. 2) подробно определяет сферы отношений, отрасли и институты законодательства, их регулирующие [Боголюбов С.А., 2010: 42–51]. Отношения в области охраны и рационального использования природных ресурсов, их сохранения и восстановления, регулируются международными договорами России, земельным, водным, лесным законодательством, законодательством о недрах, животном мире, иным законодательством в области охраны окружающей среды и природопользования. В Законе проведено различие между вредом окружающей среде, ее компонентам (природным ресурсам), включая объекты животного мира и растения, и вредом, причиненным здоровью и имуществу граждан. При этом указание на «жизнь или здоровье животных и растений» в этом Законе отсутствует: животные и растения выступают как объекты правоотношений.

2.4. Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» (далее — Закон о животном мире)¹⁵ регулирует отношения в области охраны и использования животного мира и среды его обитания в целях обеспечения биологического разнообразия, устойчивого использования всех его компонентов, создания условий для устойчивого существования животного мира, сохранения генетического фонда диких животных и иной защиты животного мира как неотъемлемого элемента природной среды (ст. 2). В этих целях данный Закон устанавливает комплекс ограничений и запретов на использование объектов животного мира (их особей, популяций), требований к осуществлению деятельности, связанной с использованием объектов животного мира.

Закон о животном мире развивает и конкретизирует положения Закона об охране окружающей среды соответственно предмету своего регулирования. Закон обеспечивает сохранение, воспроизводство объектов животного мира и среды их обитания, а не охрану «жизни или здоровья» диких животных. Термины «охрана здоровья», «угроза для жизни» в данном Законе применяются исключительно к человеку как обоснование необходимости

¹⁴ СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

¹⁵ СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

регулирования численности объектов животного мира. Применительно к животным вредные последствия определены как возможный результат действий людей, которые могут привести к их «заболеванию, гибели, сокращению численности или нарушению среды обитания». Указание на «жизнь или здоровье животных» в этом Законе отсутствует, аналогий с такими понятиями, применяемыми к человеку, не предусматривается.

2.5. Закон РФ от 14.05.1993 № 4979-1 «О ветеринарии» (далее — Закон о ветеринарии)¹⁶ ничего не говорит о «жизни животных» как объекте правовой охраны, применяется лишь термин «здоровье животных» (ст. 13, 14, 18) в контексте борьбы с болезнями животных и, особенно, с болезнями, общими для животных и человека, при этом никаких аналогий с защитой жизни и здоровья человека не проводится.

2.6. Федеральный закон от 03.08.1995 № 123-ФЗ «О племенном животноводстве» (далее — Закон о племенном животноводстве)¹⁷ регулирует отношения в области разведения племенных животных, производства и использования племенной продукции (материала) во всех отраслях животноводства, включая птицеводство, звероводство и пчеловодство (ст. 4). Категория «жизнь или здоровье животных» в этом Законе не используется.

2.7. Лесной кодекс оперирует категориями «сохранение, использование, воспроизводство, охрана и защита лесов», «защита лесов». В частности, в ст. 54 указано, что защита лесов предусматривает выявление в лесах вредных организмов (растений, животных, болезнетворных организмов, способных при определенных условиях нанести вред лесам или лесным ресурсам) и предупреждение их распространения, а в случае возникновения очагов вредных организмов, отнесенных к карантинным объектам, — их локализацию и ликвидацию. Лес рассматривается как ценный природный ресурс, который должен использоваться способами, не наносящими вреда окружающей среде и здоровью человека.

2.8. Федеральный закон от 17.12.1997 № 149-ФЗ «О семеноводстве»¹⁸ и Федеральный закон от 21.07.2014 № 206-ФЗ «О карантине растений»¹⁹ предусматривают защиту растений и продукции растительного происхождения от болезней, но не защиту «жизни или здоровья растений».

2.9. Согласно ГК РФ, животные и растения — это объекты гражданских прав, прежде всего права собственности. К ним применяются понятия «вещи», «имущество» (ст. 128, 130, 209). Понятие «лес» в ГК не используется, термин «растения» встречается лишь в ст. 261 при перечислении объектов

¹⁶ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 24. Ст. 875.

¹⁷ СЗ РФ. 1995. № 32. Ст. 3199.

¹⁸ СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5715.

¹⁹ СЗ РФ. 2014. № 30. (ч. 1). Ст. 4207.

права собственности, являющихся принадлежностью земельного участка и на нем находящихся. Животные упоминаются в пяти статьях ГК, устанавливающих особенности регулирования владения, пользования и распоряжения животными в качестве объектов гражданских правоотношений. К животным применяются общие правила об имуществе, но, как признано в доктрине, они выводятся в особую категорию «одушевленных вещей», и для их собственников (владельцев) устанавливается требование гуманного обращения; [Мохов А.А., Копылов Д.Э., 2006: 41]; [Садиков О.Н., 2006: 160]; [Васьковский Е.В., 2003: 116]; [Евсеев Е.Ф., 2009: 23–26]; [Валеев М.М., 2003: 33]; [Микрюков В.А., 2014: 48–55]; [Минина Е.Л., 2014: 80–88]; [Николюкин С.В., Уткина И.О., 2008: 19–27].

В ст. 137, 230–232, 241 ГК используются такие понятия, как «животные», «безнадзорные животные», «безнадзорный или пригульный скот», «безнадзорные домашние животные», а также «надлежащее содержание» и «домашние животные» при «ненадлежащем обращении» с ними. О защите «жизни или здоровья животных и растений» нет ни слова.

3. Юридическая ответственность за причинение вреда здоровью, имуществу, окружающей среде и природным ресурсам

Причинение вреда является правонарушением, за совершение которого наступает юридическая ответственность, возникают и обязательства по его возмещению, причем независимо от вида правонарушения и применяемой ответственности: дисциплинарной, гражданской, административной, уголовной [Лазарев В.В., 2003: 228–239]; [Зенин И.А., 2007: 109–116, 136–141, 557–564]; [Белякова А.М., 1986: 111].

Данная позиция основывается на признанных в теории права учениях о том, что «правоотношение» — урегулированное нормами права общественное отношение, участники которого наделены соответствующими субъективными правами и обязанностями. В структуру правоотношения входит четыре элемента: объект, субъекты, субъективное право и юридическая обязанность. Правоотношение тесно связано с другой категорией — «правонарушение». Правонарушение имеет состав, элементами которого являются объективная и субъективная стороны [Наумов А.В., 1996: 115–156]; [Дююнов В.К., 2009: 82–85]. В нашем случае верное определение объекта и предмета правонарушения, на которые направлены общественно опасные деяния, приобретает особое значение.

Применительно к теме настоящей статьи речь идет об ответственности, установленной в критикуемых нами нормах законов за причинение вреда

«жизни или здоровью животных и растений», создание угрозы причинения вреда «жизни или здоровью животных и растений» и о его возмещении наравне с причинением вреда или угрозой его причинения человеку. Действительно, конструкция и содержание соответствующих норм законов о техническом регулировании, об обращении лекарственных средств²⁰ и четырех статей КоАП таковы, что категория «жизнь или здоровье» применяется в одинаковом значении и в одном перечне и к людям, и к животным, и к растениям²¹. Непосредственным объектом противоправного посягательства при буквальном толковании критикуемых норм является как «жизнь или здоровье» граждан — субъектов правоотношений, так и «жизнь или здоровье» животных и растений, которые тем самым из объектов правоотношений «трансформируются» в субъекты таковых. Немаловажно и то, что степень общественной опасности и тяжести вреда, причиняемого правонарушением в отношении граждан, животных и растений также идентичны, поскольку диспозиции и санкции статей КоАП одни и те же.

Проще говоря, законодатель оценивает одной мерой жизнь и здоровье человека и жизнь и здоровье животных и растений, оставляя назначение наказания на усмотрение суда, который вынужден применять одни и те же нормы и санкции к лицам, осуждаемым за причинение вреда жизни или здоровью граждан, и к лицам, привлекаемым к ответственности за причинение вреда «жизни или здоровью животных и растений». Таким образом, судья, руководствуясь своим субъективным правосознанием, в рамках одних и тех же статей и в пределах диапазона их санкций (нижнего и верхнего) должен в зависимости от последствий определить лицу соразмерное наказание: 1) за причинение вреда жизни или здоровью человека; 2) за причинение вреда жизни или здоровью животного; 3) за причинение вреда жизни или здоровью растения; 4) за причинение вреда жизни или здоровью в совокупности: как выборочно, так и всем упомянутым в диспозиции статьи потерпевшим — субъектам правоотношений.

В перечисленных нормах федеральных законов и КоАП приходится констатировать правовую неопределенность, влекущую коллизии и противоречия, вызванные ошибкой на стадии правотворчества в определении вида правоотношений, применяемой терминологии, предмета правового регулирования и как следствие — объекта посягательства и предмета администра-

²⁰ В отношении этого федерального Закона необходимо сделать оговорку: растения и применяемые к ним агрономические, фитосанитарные и прочие средства не являются предметом его регулирования, категория «жизнь или здоровье растений» не применяется. Однако наше наблюдение в полной мере применимо к животным.

²¹ См.: ст. 2; п. 9, п. 12 ст. 7; п. 3 ст. 36 Закона о техническом регулировании; п. 1 ч. 13 ст. 34; ч. 2–5 ст. 64; ст. 65 Закона об обращении лекарственных средств; ч. 2 ст. 9.4; ч. 2 ст. 14.43; ч. 3 ст. 14.44; ч. 2 ст. 14.46 КоАП РФ.

тивного правонарушения. Следует отметить, что в доктрине экологического и природоресурсного права содержится верное понимание рассматриваемых категорий [Шуплецова Ю.И., 2016: 87–103]; [Кичигин Н.В., 2017: 239–268].

3.1. В КоАП правонарушения, посягающие на здоровье, сгруппированы в гл. 6 вместе с правонарушениями, посягающими на санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность. В статьях этой главы (ст. 6.3; 6.6; 6.7) отсутствуют указания на жизнь или здоровье животных и растений: ее нормы направлены исключительно на защиту человека. Именно человек является потерпевшим, а посягательство направлено на его здоровье, благополучие и общественную нравственность.

Напротив, понятия «животные» и «растения», включая лес, используются в КоАП применительно к правонарушениям, посягающим на право собственности и его объекты. Составы таких правонарушений определены в гл. 7 (ст. 7.9; 7.10; 7.11). К животным и растениям применима ст. 7.17 «Уничтожение или повреждение чужого имущества», несмотря на то, что они не названы в диспозиции статьи в качестве объектов посягательства. Понятия «животные», «объекты животного мира», «леса», «лесные ресурсы», «лесные насаждения», «деревья, кустарники, лианы» применяются также в КоАП при определении составов правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования (гл. 8), где являются непосредственными предметами посягательства²².

Животные и растения упоминаются в гл. 10 КоАП о правонарушениях в сельском хозяйстве, ветеринарии и мелиорации земель. Четыре статьи касаются животных²³ и девять применимы к растениям²⁴. В этой главе используется, в частности, следующая терминология: «правила перевозки, перегона или убоя животных», «падеж животных», «карантин животных», «растения-сорняки», «вредители растений», «переработка, использование и реализация подкарантинной продукции». Нормы данной главы направлены исключительно на обеспечение безопасности в сфере сельского хозяйства и ветеринарии, но вовсе не на защиту «жизни или здоровья животных и растений». Как видим, этот термин никак не коррелирует с нормами глав 6–8, 10 КоАП и применительно к Кодексу в целом остается своеобразным «аксессуаром», перенесенным в четыре его статьи из Закона о техническом регулировании.

3.2. Переходя к анализу норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), необходимо отметить, что ни в одной из его статей (включая ст. 245 «Жестокое обращение с животными») объектом посягательства

²² К животным применимы ст. 8.29; 8.33; 8.35; 8.36; 8.37; 8.38 КоАП; к растениям — ст. 8.12; 8.24; 8.25; 8.26; 8.27; 8.28; 8.28.1; 8.30; 8.31, 8.32 КоАП.

²³ Ст. 10.6; 10.7; 10.8; 10.11 КоАП.

²⁴ Ст. 10.1; 10.2; 10.3; 10.4; 10.5; 10.5.1; 10.12; 10.13; 10.14 КоАП.

не является «жизнь или здоровье животных и растений» и такая терминология не применяется.

Все статьи УК РФ, направленные на защиту жизни и здоровья, терминологически и содержательно предусматривают только жизнь и здоровье человека. Это ясно видно уже по структуре Кодекса: раздел VII «Преступления против личности» содержит гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья», в которой объединены насильственные преступления, направленные против жизни и здоровья человека. Например, в диспозиции ст. 105 «убийство» сформулировано как умышленное причинение смерти другому человеку. К животным термины «убийство», «причинение смерти» неприменимы: ст. 245 УК РФ говорит о «жестокое обращении, повлекшем гибель животного». В статьях 111–115 УК РФ, устанавливающих ответственность за причинение вреда здоровью человека, степень тяжести этого вреда подробно классифицирована в зависимости от опасности для жизни, утраты функций организма человека, ущерба общей и профессиональной трудоспособности.

Статья 245 УК РФ о жестоком обращении с животными включена в гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Соответственно объектом посягательства данного преступления являются общественная нравственность и отношения в области содержания животных, способов обращения с ними, а не их жизнь и здоровье. В статье 245 жестокое обращение с животным определяется как причинение ему «боли и (или) страданий», повлекших гибель или увечье, а о причинении вреда здоровью животного данная статья не упоминает. Таким образом, в УК РФ проведены последовательные терминологические и смысловые различия между охраной жизни и здоровья человека и защитой животных от жестокого обращения.

В случае умышленного уничтожения животных или растений, составляющих чужое имущество, если это деяние повлекло причинение значительного ущерба, применима ст. 167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение имущества», охранительная направленность которой — не защита жизни и здоровья животных и растений, а защита имущества. При наличии признаков жестокого обращения деяние подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 245 и 167 УК РФ.

По структуре и терминологии УК РФ видно, что животные и растения рассматриваются как имущество, природные ресурсы, компоненты окружающей среды. Преступления, причиняющие вред окружающей среде, объединены в гл. 26 «Экологические преступления». В статьях данной главы используются термины «дикие животные», «рыбы», «водные биологические ресурсы», «морские млекопитающие», «лес», «лесные насаждения», «деревья, кустарники, лианы». Объект посягательства в статьях данной главы — природные ресурсы и окружающая среда, а не «жизнь или здоровье животных и растений».

Анализ норм КоАП и УК показывает, что животные и растения являются объектами их правовой охраны исключительно как природные ресурсы и компоненты окружающей среды или объекты имущества и права собственности с учетом принципа гуманности по отношению к животным, диктующего необходимость их защиты от жестокого обращения. Поэтому использованная в критикуемых нормах статей КоАП формула «жизнь или здоровье животных и растений» применительно к правоотношениям и составам правонарушений — очевидное противоречие в структуре, терминологии и содержании статей КоАП, нарушающее его взаимодействие и согласованность со статьями УК РФ.

3.3. Остановимся на вопросах возмещения вреда, регулируемых гражданским законодательством. Обязательствам вследствие причинения вреда посвящена гл. 59 ГК РФ. В понятии вреда в ст. 1064 ГК РФ указано на вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также на вред, причиненный имуществу юридического лица. Специальный § 2, выделенный в структуре данной главы ГК РФ определяет вред, причиненный жизни или здоровью. И в наименовании параграфа, и в каждой из его 10 статей (ст. 1084–1094) говорится исключительно о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина. Для гражданского законодательства животные и растения были и остаются объектами правоотношений и права собственности — имуществом. Ни оснований, ни порядка возмещения вреда, причиненного «жизни или здоровью животных и растений», ГК РФ не устанавливает.

3.4. Для полноты исследования необходимо проанализировать судебную практику, чтобы выяснить, нашла ли в ней отражение новая правовая категория «жизнь или здоровье животных и растений». По рассматриваемой проблеме судебная практика ранее специально не анализировалась. Однако работы коллег подтверждают нашу позицию, что животные и растения — это объекты правоотношений, и их жизнь или здоровье не является объектом правонарушения. Дела о вреде, который причиняется именно жизни или здоровью животных и растений, не являются предметом рассмотрения суда [Хабриева Т.Я., Лазарев В.В., 2017: 317–354].

В первую очередь следует обратить внимание на постановления Пленума Верховного Суда России, посвященные вопросам возмещения вреда жизни и здоровью. В Постановлении от 26.01.2010 № 1²⁵ ожидаемо не упоминается о животных и растениях. Нет упоминаний о животных и растениях и в Постановлении от 20.12.1994 № 10²⁶.

²⁵ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // СПС «КонсультантПлюс».

В целях обеспечения единства судебной практики применения законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования Пленум Верховного Суда принял два специальных постановления, в которых содержатся разъяснения и толкование норм, в том числе регулирующих возмещение вреда, причиненного объектам животного мира, охотничьим ресурсам и среде их обитания, лесам, иным растениям²⁷. В этих постановлениях проведено четкое разграничение видов вреда, причиняемого вследствие нарушений требований законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования: вред жизни и здоровью человека; вред имуществу граждан и юридических лиц; вред окружающей среде (ее компонентам — природным ресурсам). Верховный Суд строго придерживается терминологии природоохранных, природоресурсных федеральных законов, а также ГК, УК и КоАП. Критикуемую нами формулу «жизнь или здоровье животных и растений», содержащуюся в Законе о техническом регулировании и четырех статьях КоАП, Верховный Суд не использует, сами эти нормы не упоминает и не комментирует. Вероятно, Суд не счел необходимым давать им толкование.

Не ограничившись этим выводом, автор предпринял попытку исследовать судебные акты, вынесенные именно по факту совершения правонарушений, квалифицируемых по тем статьям КоАП, в которых содержится критикуемая формула²⁸. Такие судебные акты были обнаружены. Однако во всех случаях действия (бездействие) по причинению вреда именно «жизни или здоровью животных и растений» не являлись событием и не входили в состав совершенного правонарушения и соответственно не являлись предметом рассмотрения суда²⁹. В исследованных судебных актах критикуемая формула содержится исключительно как воспроизведение формулировок норм КоАП.

²⁷ См.: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012. №21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» и от 30.11.2017 №49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ См. ч. 2 ст. 9.4 «Нарушение обязательных требований в области строительства и применения строительных материалов (изделий)», ч. 2 ст. 14.43 «Нарушение изготовителем, исполнителем (лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя), продавцом требований технических регламентов», ч. 3 ст. 14.44 «Недостовверное декларирование соответствия продукции», ч. 2 ст. 14.46 «Нарушение порядка маркировки продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия».

²⁹ См.: Постановление Верховного Суда РФ от 13.03.2015 № 307-АД14-5283 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 11.04.2017 № 304-АД17-2603 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17.08. 2016 по делу № А53-31644/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 23.06.2014 по делу № А40-187569/13 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 21.06.2017 № 304-АД17-6893 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.12.2015 по делу № А32-13055/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Можно констатировать, что нормы об ответственности за противоправные действия (бездействие) и о возмещении вреда в отношении «жизни или здоровья животных и растений», не применимы на практике, что подтверждает анализ законодательства, постановлений Пленума Верховного Суда и судебных актов.

4. Нормы международного права о «жизни или здоровье животных и растений»

Итак, категория «жизнь или здоровье животных и растений», введенная в несколько федеральных законодательных актов, не коррелирует с нормами всего остального массива законодательства и не воспринята в правоприменительной практике. Ввиду того, что впервые критикуемая формула появилась в Законе о техническом регулировании, у автора возникла гипотеза о ее иностранном происхождении в связи со вступлением России во Всемирную торговую организацию и подписанием пакета соглашений с нею.

Основной документ ВТО — Соглашение ГАТТ–ВТО от 15.04.1994 по техническим барьерам в торговле³⁰. В его Преамбуле есть интересующая нас формулировка: «Ни в одной стране не должно создаваться препятствий для принятия мер, необходимых для обеспечения качества ее экспорта, или защиты жизни и здоровья людей, животных или растений, охраны окружающей среды». В Конвенции (СИТЕС) «О международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения» (Вашингтон, 3.03. 1973)³¹, присутствуют нормы о недопустимости «угрозы здоровью» или «жестокости обращения» применительно не только к животным, но и к растениям. Конвенция содержит общее для животных и растений понятие «образец» — «любое животное или растение, живое или мертвое». В пп. «в» п. 2 ст. IV установлена обязанность административных органов экспортирующего государства получить «удовлетворительные доказательства того, что всякий живой образец будет приготовлен к отправке и отправлен с минимумом риска повреждения, угрозы здоровью или жестокого обращения». Та же обязанность предусмотрена для административных органов реэкспортирующего государства (подп. «б» п. 5), а также для административных органов государства интродукции³² живых образцов.

³⁰ СПС Консультант Плюс.

³¹ Конвенция вступила в силу для СССР 08.12.1976 // СПС Консультант Плюс.

³² «Интродукция из моря» означает привоз в государство образцов любого вида, изъятых из морской среды, не находящейся в юрисдикции какого-либо государства, согласно формулировке подп. «д» ст. 1 «Определения» Конвенции.

Требование о «защите жизни или здоровья животных и растений» встречается и в других международных договорах России. Так, в ст. 9 Соглашения государств–членов Таможенного союза об устранении технических барьеров в торговле с государствами–участниками Содружества Независимых Государств, не являющимися членами Таможенного союза³³, для участников Соглашения предусмотрена возможность временно вводить санитарные, ветеринарно-санитарные или фитосанитарные ограничительные меры в отношении отдельных видов продукции на основе надлежащей информации о наличии угрозы причинения вреда «руководствуясь интересами защиты жизни или здоровья человека, животных и растений».

29.05.2014 в Астане подписан Договор о Евразийском экономическом союзе³⁴, обязывающий стороны проводить согласованную экономическую политику и обеспечивать гармонизацию законодательства. В разд. X «Техническое регулирование» содержится требование «защиты жизни или здоровья животных и растений». В ст. 52 «Технические регламенты Союза и стандарты» зафиксировано, что технические регламенты Союза принимаются «в целях защиты жизни и (или) здоровья человека, имущества, окружающей среды, жизни и (или) здоровья животных и растений, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей, а также в целях обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения...». Далее, в разделе XI Договора, в ст. 56 «Общие принципы применения санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер» установлено, что перечисленные меры «применяются на основе принципов, имеющих научное обоснование, и только в той степени, в которой это необходимо для защиты жизни и здоровья человека, животных и растений».

Итак, наше исследование показало, что понятие «охрана (защита) жизни и (или) здоровья животных и растений» «импортировано» при имплементации международно-правовых норм в связи с международными обязательствами России при ее вступлении в ВТО, а далее транслировано в национальное законодательство и международные соглашения с ее участием.

5. Категория «жизнь и здоровье животных и растений» в российской правовой доктрине

Нами осуществлялась попытка привлечь внимание к тому обстоятельству, что критикуемая формула начинает «приживаться» и в правовой доктрине [Яковлев В.Ф. и др., 2017: 294–315]. Об этом можно судить по публикациям, авторы которых ее либо не замечают, либо с положительным значением

³³ Подписано в Москве 17.12.2012 // СПС Консультант Плюс.

³⁴ СПС Консультант Плюс.

внедряют в юридическую науку. Проанализированные публикации можно условно классифицировать на научные работы по следующим направлениям: а) посвященные исследованию правовых аспектов технического регулирования; б) касающиеся общей теории правосубъектности и исследования отдельных институтов гражданского права; в) направленные на изучение международного торгового права. Приведем наиболее яркие примеры.

5.1. Научные публикации по техническому регулированию. Если авторы комментариев к Закону о техническом регулировании не дают никакой оценки критикуемым нами нормам [Агешкина Н.А., Коржов В.Ю., 2016: 2–91], то некоторые другие ученые подводят под них теоретическое обоснование и стараются развивать концептуально.

На основе положений Закона о техническом регулировании принимаются многочисленные федеральные законы о различных технических регламентах, к которым ученые-специалисты разрабатывают комментарии. Например, позиция автора комментария к Федеральному закону от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» дает пример интерпретации основных понятий, используемых в данном законе и соответственно применяемых в комментарии [Ласкина Н.В., 2013: 2–6].

Автор признает, что, следуя конституционно установленным приоритетам прав и свобод человека, основной целью принятия комментируемого закона выступает защита жизни и здоровья граждан, имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества. В то же время утверждается, что еще одной целью принятия комментируемого Закона выступает «охрана окружающей среды, жизни или здоровья животных и растений», которая также проистекает из конституционных положений, провозглашающих право каждого на благоприятную окружающую среду. В отношении охраны окружающей среды и ее компонентов, являющихся природными ресурсами, возражений нет, а вот попытка доктринального обоснования возможности правовой охраны (защиты) именно «жизни или здоровья животных и растений» применительно к условиям российской правовой системы вызывает принципиальное неприятие. Анализ содержания приводимой в качестве примера работы, имеющей научно-практическое применение, показывает: автор добросовестно цитирует формулировки комментируемого Закона и в то же время старательно избегает признания явных противоречий, когда сталкивается с необходимостью комментирования конституционных положений, норм природоохранного, природоресурсного и гражданского законодательства. Автор не может не видеть, но обходит молчанием важное и очевидное для системы права обстоятельство: и окружающая среда, и животные, и растения — объекты правоотношений, а потому не могут обладать правами на жизнь и охрану здоровья наравне с человеком.

При комментировании Технического регламента о безопасности зданий и сооружений в единстве и взаимосвязи с положениями других федеральных законов Н.В. Ласкина использует верную терминологию, соответствующую истинной правовой природе исследуемых отношений: «Объектами охраны окружающей среды от загрязнения, истощения, деградации, порчи, уничтожения и иного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности являются... леса и иная растительность, животные и другие организмы и их генетический фонд...». Справедливо отмечено, что «согласно гражданскому законодательству животные выступают объектами гражданских прав (имуществом)». Верно, что в этой части комментария ведется речь именно о «состоянии растительного и животного мира», «сохранении редких и находящихся под угрозой исчезновения видов деревьев, кустарников, лиан, иных лесных растений...», «сокращении численности таких растений и (или) ухудшении среды их обитания», «охране и защите животных», что является обязанностью их владельцев; при осуществлении прав людьми не допускается «жестокое обращение с животными, противоречащее принципам гуманности»; «охрана диких животных» и «охрана животного мира» осуществляется в соответствии с Законом о животном мире. Однако, возвращаясь к комментируемому Закону, она утверждает, характеризуя «положительное значение» предмета своего исследования: «В рамках реализации цели охраны окружающей среды специально выделена охрана жизни или здоровья животных и растений, хотя эти понятия соотносятся как целое и часть».

В.В. Кванина в статье, посвященной юридической ответственности в сфере технического регулирования, комментируя п. 3 ст. 36 Закона о техническом регулировании, предусматривающий возмещение причиненного в результате несоблюдения требований технических регламентов вреда, в том числе жизни или здоровью животных и растений, указывает, что такой вред подлежит возмещению по правилам § 1, 2 гл. 59 ГК РФ («Обязательства вследствие причинения вреда») или § 3 той же главы и законодательства о защите прав потребителей, если пострадавшим является потребитель. Далее отмечено: «В отличие от Закона о техническом регулировании, ГК РФ содержит более ограниченный состав объектов, причинение вреда которым подлежит возмещению. В частности, в нем не перечислены такие объекты, как жизнь или здоровье растений и животных...». Не давая оценки отмеченному несоответствию, В.В. Кванина утверждает: «Тем не менее, как свидетельствует судебная практика, и данные объекты подпадают под регулирование главы 59 ГК РФ». При этом примеров из такой судебной практики в статье не приводится (их не может быть. — Авт.). Дается лишь общая ссылка на постановление Пленума Верховного Суда от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны

окружающей среды и природопользования». Однако, как нами установлено, в названном и других постановлениях Пленума Верховного Суда указание на такую категорию, как «жизнь или здоровье животных и растений», отсутствует.

Далее В.В. Кванина ошибочно утверждает, что «возмещение вреда, причиненного окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений, регулируется также статьями 77 и 78 Закона об охране окружающей среды и статьей 56 Закона о животном мире», хотя именно о «жизни или здоровье животных и растений» в названных законах нет ни слова [Кванина В.В., 2014: 35–41].

Вызывает осторожный оптимизм то обстоятельство, что высказанная нами ранее критика замечена и адекватно оценена некоторыми исследователями. Так, в конце прошлого года в Институте законодательства и сравнительного правоведения защищена диссертация кандидата юридических наук на тему «Правовая охрана окружающей среды посредством технических регламентов». Восприняв нашу позицию, Д.И. Шакирова обосновала в своей работе в качестве одного из положений, выносимых на защиту, необходимость исключения из законодательства критикуемой нами формулы: «Принимая во внимание явное несоответствие формулировки «защита жизни или здоровья животных и растений»... устоявшимся подходам иных отраслей законодательства, в качестве единственного способа решения указанной проблемы можно рассматривать только внесение изменений в существующее законодательство о техническом регулировании как на национальном, так и на наднациональном уровнях...» [Шакирова Д.И., 2018: 13–14].

5.2. Научные публикации по общетеоретическим правовым проблемам

Несмотря на то, что, согласно основам права, животные и растения являются не субъектами, а объектами правоотношений, обнаружена попытка опровергнуть эту аксиому. Профессор Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук А.П. Анисимов всерьез проводит классификацию субъективных прав животных и предрекает им большое будущее, применяя прямую историческую аналогию с развитием прав зависимых классов — рабов, крепостных и иных категорий несвободных лиц [Анисимов А.П., 2016: 183–186]. В статье доказывается, что у каждой группы животных существуют «различные субъективные права», которые императивно закреплены в законе (право на гуманное обращение) или действуют факультативно — по воле собственника таких животных. А.П. Анисимов утверждает, что животные обладают правосубъектностью, хотя и упоминает, что в гражданском праве животные признаются объектом права собственности, особым видом имущества, а дикие животные в силу ст. 4 Закона о животном мире находятся в государственной собственности.

Между тем общеизвестно, что понятие правосубъектности включает в себя правоспособность, дееспособность и деликтоспособность, которых у животных быть не может. А.П. Анисимов или не знает, или игнорирует фундаментальные постулаты теории права: объект правоотношений не обладает правосубъектностью; нельзя быть одновременно и объектом, и субъектом. Свою классификацию «прав животных» А.П. Анисимов строит, основываясь на подмене понятий: обязанности государства, юридических и физических лиц по охране животного мира он объявляет правами диких животных, обязанности собственников (владельцев) домашних и иных животных по их надлежащему содержанию и гуманному обращению с ними — правами этих животных.

Необоснованно применяя аналогию с правами человека, безусловным правом животных А.П. Анисимов считает право на жизнь, за исключением охотничьих видов и лабораторных животных и с некоторыми оговорками, например о том, что право на жизнь сельскохозяйственных животных ограничено, поскольку они предназначены для забоя и употребления в пищу. К безусловным правам животных отнесено и право на гуманное обращение. Остальные субъективные права животных реализуются по воле владельца (среди них — право на жилище, право на выбор владельца, право на имя и даже персональные данные — в виде ветеринарного паспорта). Наиболее широкий комплекс таких прав по сравнению с животными других видов (групп) имеют домашние животные, в особенности животные-компаньоны.

Ввиду грубейших теоретических ошибок подробно обсуждать данную публикацию излишне, однако нельзя и игнорировать «концепцию» А.П. Анисимова ввиду ее очевидной органической связи с действующей нормативной правовой категорией «жизнь или здоровье животных и растений». Именно эта связь создает иллюзию подкрепленности ложных теоретических посылок сомнительными нормами действующего законодательства. Трудно предсказать последствия внедрения подобных «концепций» в правовую доктрину, например в виде параграфов или глав учебников по теории права, гражданскому праву и т.д., в преподавание учебных дисциплин для подготовки специалистов в сфере правоведения.

5.3. Научные публикации в области международного торгового права. Исходя из того, что появление в российском законодательстве категории «жизнь или здоровье животных и растений» есть результат имплементации, нами проведен также анализ публикаций, затрагивающих вопросы техники имплементации международных норм, чтобы выяснить возможности их коррекции.

Автором проанализированы работы, посвященные проблемам имплементации норм ВТО в российское законодательство. Большинство из них

демонстрирует равнодушие к рассматриваемой нами проблеме: публикаций, посвященных технике имплементации применительно к теме статьи, обнаружить не удалось. Однако все авторы отмечают, что договорный характер международных норм оставляет широкие возможности обеспечения государствами их интересов. Утверждается, что в науке международного права сформировалось понятие «право ВТО». Право ВТО — средство универсализации международного торгового права и унификации систем внутреннего права государств-участников. Важно, что правовая система ВТО находится в состоянии постоянного развития и модификации, осуществляемых путем проведения многосторонних торговых переговоров. Таким образом, право ВТО является результатом согласования государствами своих интересов посредством взаимных уступок и компромиссов [Каширкина А.А., Морозов А.Н., 2014: 7].

А.О. Четвериков, исследуя проблему национальной безопасности России в связи с ее обязательствами соблюдать право ВТО, подчеркивает, что при его имплементации в правовую систему России неизбежно возникают коллизии и противоречия. Основное внимание в публикации уделено возможностям, которые предусмотрены нормами права ВТО для преодоления этих коллизий и противоречий в интересах каждого из государств-участников. Автор делает вывод, что нормы-изъятия, предусмотренные ГАТТ и соглашениями ВТО, закрепляют широкий спектр исключений, позволяющих России и другим членам ВТО отступать от их обязательств по либерализации международной торговли, когда это необходимо национальной безопасности как в экономическом, так и в иных аспектах (военном, информационном, продовольственном и т.д.) [Четвериков А.О., 2013: 75–82]. Формула «защита здоровья и жизни людей, животных и растений», использованная в ст. XX ГАТТ, в публикации А.О. Четверикова упоминается, но автор не дает ей оценки, так как этого не требует предмет его исследования.

Анализ публикаций, посвященных проблемам международного торгового права и имплементации норм ВТО в российское законодательство, подтверждает нашу позицию: имплементация вовсе не требует дословного воспроизведения формулировок международных правовых норм, возможна и необходима их терминологическая и содержательная адаптация к национальному законодательству и правовой системе в целом.

Заключение

В юридическом смысле животные и растения прежде всего — имущество, объекты правоотношений. Персональное отношение к животным и растениям, включая их состояние и комфорт, относится к морально-нравствен-

ным и этическим нормам, традициям и воспитанию. Не может и не должно быть знака равенства между человеческими чувствами и нормами права, так не может быть в праве и аналогии между защитой жизни или здоровья людей и защитой животных и растений — объектов имущественных прав и природных ресурсов, компонентов окружающей среды. В правовой реальности невозможно осуществлять юридическую охрану «жизни или здоровья животных и растений», т.е. квалифицировать в качестве административного правонарушения или преступления «причинение вреда жизни или здоровью животных и растений или возникновение угрозы причинения такого вреда», а также требовать возмещения вреда «жизни или здоровью животных и растений».

Несмотря на эту очевидность, критикуемые нами нормы о «жизни или здоровье животных и растений» присутствуют в федеральных законах о техническом регулировании, об обращении лекарственных средств, о животных и в четырех статьях КоАП РФ. Ввиду их неприменимости на практике эти нормы можно с полным основанием назвать мертворожденными. Но законодатели предпринимают попытки включить подобные положения в проекты кодексов об административной ответственности и правонарушениях. На этом фоне одни ученые, подвергая ревизии основы права, трудятся над обоснованием «инновационного» понимания правового положения животных и растений в структуре правоотношений в качестве субъектов, другие этой проблемы не видят или не хотят на нее реагировать. Данные факты свидетельствуют о негативной тенденции, проникшей в законодательство, процесс правотворчества и юридическую доктрину.

Нормы законов о техническом регулировании, об обращении лекарственных средств и о животных в части вреда и угрозы причинения такового именно в отношении «жизни или здоровья животных и растений», а также положения КоАП РФ о правонарушениях и об ответственности за такие деяния являются лишними для отечественной правовой системы, представляют собой избыточное и неприменимое на практике правовое регулирование. Это же замечание относится к соответствующим нормам федеральных законов, утвердивших технические регламенты в различных сферах их применения³⁵. Критикуемые нормы противоречат конституционным положениям и всему остальному законодательству России, остаются невостребованными по причине невозможности их применения и подлежат исключению из действующих и проектируемых законов.

В фактической и правовой действительности при совершении административного правонарушения или преступления признанные судом ви-

³⁵ См., например, Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 5.

новными лица, причинившие вред, привлекаются к ответственности по соответствующим статьям КоАП РФ либо УК РФ. При причинении вреда физическому лицу (человеку, гражданину) или его имуществу, а также при причинении вреда имуществу юридического лица возникают соответствующие обязательства. Такие отношения регулируются гражданским законодательством [Белякова А.М., 1986: 111]; [Суханов Е.А., 2000: 363–376, 385–397]. В случае причинения вреда животным и растениям, являющимся объектами права собственности физических или юридических лиц, речь идет о возмещении вреда имуществу (ст. 1064–1083 ГК РФ). Применимы также ст. 1095–1098 ГК РФ, регулирующие возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг. Если существует причинно-следственная связь между причинением вреда имуществу гражданина — собственника домашнего животного или растения и последствиями в виде наступления вреда жизни или здоровью самого потерпевшего гражданина, то речь может идти исключительно о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью именно человека и гражданина. Более того, ГК РФ оставляет потерпевшему физическому лицу право принять меры по компенсации морального вреда (ст. 1099–1101) независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда.

Если же животные и растения относятся к компонентам окружающей среды — природным ресурсам, то субъекты, причинившие вред объектам животного мира и среде их обитания либо лесам или лесным ресурсам (растениям), помимо привлечения к административной либо уголовной ответственности возмещают нанесенный ущерб наравне с ущербом окружающей среде добровольно либо по решению суда. В этом случае решающее значение имеют органы государства (федерального и регионального уровня) и органы местного самоуправления, выражающие интересы и отстаивающие право собственности государства и муниципального образования на природные ресурсы. Средства, полученные в результате возмещения вреда окружающей среде, объектам животного мира, лесам и иной дикой растительности, поступают соответственно в бюджеты федерального, регионального и местного значения.

При таком понимании и толковании норм права никакой необходимости с определением избыточно инновационного правового положения животных и растений не возникает. Этот вывод подкрепляется рассмотренной в настоящей статье позицией Верховного Суда России и ей соответствует.

Нами обнаружена причина возникновения тенденции к трансформации, т.е. к «переводу» животных и растений из объектов в субъекты правоотношений. Причиной являются ошибки, допускаемые в следующей последовательности:

некорректная имплементация в отечественное законодательство международно-правовых норм при неверном понимании особенностей терминологии и системы источников национального права — ошибка, связанная с «трудностями перевода», неадаптированностью результатов заимствования к российским реалиям;

неверное понимание природы правоотношений, их вида и структуры, обуславливающее ошибочное определение предмета правового регулирования и установление в федеральных законах норм, находящихся в противоречии и несогласованности с конституционными положениями, нормами других федеральных законов и даже с основами права;

следствие предыдущих ошибок — неверное понимание и определение объекта и предмета административного правонарушения в части причинения вреда или угрозы такового «жизни или здоровью животных и растений», возникновения «квази-обязательств» по возмещению этого вреда.

Обнаруженные нами ошибки в их последовательности дают возможность «выводить» их в самостоятельную тенденцию негативных показателей современного состояния законодательства, правотворчества и правовой доктрины, причем как в совокупности, так и каждую в отдельности. Очевидно и то, что ошибки имеют субъективную причину — невысокий уровень квалификации и добросовестности лиц — участников правотворческого процесса и создающих юридическую доктрину [Хлуденева Н.И., 2014: 12–22, 24].

В целях устранения ошибок необходима терминологическая и содержательная коррекция критикуемых нами норм. Такую работу по унификации норм права целесообразно проводить на плановой основе и с использованием юридической технологии.

Разработку проектов изменений отдельных федеральных законодательных актов с целью обеспечения в их нормах терминологического и содержательного единства следует проводить согласованно, с привлечением всех заинтересованных органов власти, субъектов права законодательной инициативы и представителей гражданского общества. Плановую основу подготовки согласованных таким образом документов целесообразно обеспечить путем включения соответствующих позиций в план законопроектной деятельности Правительства России с определением ответственных федеральных органов исполнительной власти и учреждений³⁶.

Оптимальным вариантом будет мониторинг правоприменения в сфере регулирования отношений по охране окружающей среды, природопользо-

³⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 01.06.2004 № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 23. Ст. 2313; Постановление Правительства РФ от 30.04. 2009 № 389 «О мерах по совершенствованию законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 19. Ст. 2346.

ванию, содержанию, использованию и охране животных, имущественных отношений в части причинения вреда животным и растениям и угрозы причинения такового. Результат мониторинга сопровождал бы законопроектную деятельность и использовался при работе над проектами соответствующих федеральных законов. В этих целях следует включить такую позицию в один из ежегодных планов мониторинга³⁷.

Полезным стало бы участие в такой мониторинговой деятельности Верховного Суда России по обобщению соответствующей судебной практики и выражению позиции в части причинения вреда именно «жизни или здоровью животных и растений», возможностей возмещения такового и привлечения к ответственности лиц, совершивших правонарушения по данной категории дел. Немаловажна позиция высшей судебной инстанции и по факту наличия в федеральных законах критикуемых нами норм.

Библиография

Агешкина Н.А., Коржов В.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (постатейный). // СПС КонсультантПлюс.

Анисимов А.П. Классификация прав животных: дискуссионные вопросы // Бизнес. Образование. Право. 2016. N 1. С. 183–188.

Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. Теория и практика. М.: МГУ, 1986. 149 с.

Боголюбов С.А. Правотворчество в сфере экологии. М.: Эксмо, 2010. 528 с.

Валеев М.М. Вещи как объекты гражданских правоотношений: дис... к.ю.н. Екатеринбург, 2003. 215 с.

Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. 382 с.

Габов А.В., Путило Н.В. (отв. ред.) Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей. М.: ИНФРА-М, 2015. 272 с.

Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики)//Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. N 4. С. 24–48.

Гасников К.Д. Животные как объект гражданских прав//Законодательство и экономика. 2002. N 12. С. 41–43.

Дуюнов В.К. (ред.) Уголовное право России. М.: РИОР, 2009. 664 с.

Евсеев Е.Ф. О соотношении понятий «животное» и «вещь» в гражданском праве // Законодательство и экономика. 2009. N 2. С. 23–26.

Зенин И.А. Гражданское право. М.: Высшее образование, 2007. 567 с. Каширкина А.А., Морозов А.Н. Россия, Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация. М.: ИНФРА-М, 2014. 295 с.

³⁷ См.: Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 21. Ст. 2930; Постановление Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 35. Ст. 5081.

Зорькин В.Д. (отв. ред.) Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы Международной конференции, посвященной 20-летию Конституции РФ. М.: Норма, 2014. 480 с.

Кванина В.В. Государственный контроль (надзор) и юридическая ответственность в сфере технического регулирования // Бизнес, менеджмент и право. 2014. N 1. С. 35–41.

Кичигин Н.В. (отв. ред.) Правовое регулирование возмещения экологического вреда. М.: ИНФРА-М, 2017. 368 с.

Лазарев В.В. (ред.) Общая теория права и государства. М.: Юристъ, 2003. 520 с.

Ласкина Н.В. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (постатейный). 2013. 164 с. // СПС КонсультантПлюс.

Микрюков В.А. Благо и бремя обладания животными на праве собственности//Законодательство и экономика. 2014. N 8. С. 48–55.

Минина Е.Л. Проблемы правового регулирования обращения с животными//Журнал российского права. 2014. N 12. С. 80–88.

Мохов А.А., Копылов Д.Э. Псовые как объекты гражданских прав//Юридический мир. 2006. N 12. С. 41–45.

Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М.: БЕК, 1996. 560 с.

Николюкин С.В., Уткина И.О. Особенности возникновения и прекращения права собственности на безнадзорных и бесхозных животных: коллизии гражданского законодательства // Юрист. 2008. N 6. С. 19–27.

Путило Н.В. (отв. ред.) Право граждан на лекарственное обеспечение. М.: КОНТРАКТ, 2017. 216 с.

Садиков О.Н. (отв. ред.) Гражданское право. М.: ИНФРА-М, 2006. 493 с.

Суханов Е.А. (отв. ред.) Гражданское право. М.: БЕК, 2000. 518 с.

Хабриева Т.Я., Лазарев В.В. Судебная практика в современной правовой системе России. М.: ИНФРА-М, 2017. 432 с.

Хабриева Т.Я., Тихомиров Ю.А. Научные концепции развития законодательства. М.: Юриспруденция, 2015. 544 с.

Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. N 1. С. 85–102.

Хлуденева Н.И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды. М.: ИНФРА-М, 2014. 172 с.

Четвериков А.О. Национальная безопасность Российской Федерации и право Всемирной торговой организации//Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. N 8. С. 75–82.

Шакирова Д.И. Правовая охрана окружающей среды посредством технических регламентов: дис... к.ю.н. М., 2018. 185 с.

Шуплецова Ю.И. (отв. ред.) Правовое регулирование использования и охраны лесов по законодательству Российской Федерации и зарубежных стран. М.: ИНФРА-М, 2016. 272 с.

Яковлев В.Ф., Хабриева Т.Я., Андреев В.К. Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов. М.: Статут, 2017. 434 с.

Pravo. Zhurnal Vyshey Shkoly Ekonomiki. 2019. No 2

Problematic Result of Domestic Lawmaking: Legislative Establishing Protection of Life or Health of Animals and Plants

Dmitry B. Gorokhov

Leading Researcher, Department of Environmental and Agricultural Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Candidate of Juridical Sciences. Address: 34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow 117218, Russian Federation. E-mail: julia7709@yandex.ru

Abstract

The article presents the result of a comprehensive study of a new legal category — «life or health of animals and plants», which is present in several existing and projected federal laws. The purpose of the study, conducted using formal legal and systemic methods, as well as the method of modeling, is to find out what is the correlation of this category with the legislation and the legal system as a whole. It is proved that the investigated norms contradict the constitutional provisions and the legislation of Russia, moreover, the fundamental principles of law relating animals and plants not to the subjects, but to the objects of legal relations. The design of the criticized rules is such that not only people, but also animals and plants should be recognized as victims of an administrative offense and creditors for compensation for harm to life and health. The analysis of judicial practice shows that these norms will not be useful in the protection of animals from abuse, and objects of fauna, plants, forests and forest resources — from the destruction, illegal use and harmful effects of human economic activity, because these norms are not applicable in practice. The reason for the penetration of norms on protection of «life or health of animals and plants» into the current Russian legislation is found — it is result of bad implementation of the wording of some international treaties with the participation of Russia without taking into account the peculiarities of the Russian legal system. The analysis of publications on the topic indicates attempts of scientific substantiation of the dubious legitimization, which confirms the author's hypothesis about the possible threat of deformation of the Russian legal doctrine. Errors that caused the criticized state of certain norms of federal laws are named and classified. Author justified the necessity of harmonization of terminology and criticized the content of individual norms with the provisions of the Constitution of Russia and federal laws in the areas of health protection, environmental protection and natural resources, the protection of property rights of physical and legal entities. In this regard the recommendation by the planning and coherence of the work proposed at the stage of law-making, the use of legal technology are given.

Keywords

legal regime of animals and plants; humane treatment of animals; legal protection of “life or health of animals and plants”; responsibility for causing harm to “life or health of animals and plants”; legal personality of animals and plants; technical regulation; implementation of international legal norms; lawmaking.

For citation: Gorokhov D.B. (2019) Problematic Result of Domestic Lawmaking: Legislative Establishing Protection of Life and Health of Animals and Plants. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 2, pp. 45–78 (in Russian)

DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.2.45.78

References

- Ageshkina N.A., Korzhov Y.V. (2016) Commentary to the Federal Law of 27.12. 2002 № 184-FZ “On Technical Regulation”. SPS Consultant Plus (in Russian)
- Anisimov A.P. (2016) Classification of Animal Rights. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*, no 1, pp. 183–188 (in Russian).
- Belyakova A.M. (1986) *Civil Liability for Causing Damage. Theory and Practice*. Moscow: MGU Press, 149 p. (in Russian)
- Bogolyubov S.A. (2010) *Law-making in the Environmental Sphere*. Moscow: Eksmo, 528 p. (in Russian)
- Chetverikov A.O. (2013) National Security of Russia and the Law of the World Trade Organization. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no 8, pp. 75–82 (in Russian)
- Duyunov V.K. (ed.) *Criminal Law of Russia*. Moscow: RIOR, 664 p. (in Russian)
- Evseev E.F. (2009) On the Correlation of the Definitions “Animal” and “Item” in Civil Law. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, no 2, pp. 23–26 (in Russian)
- Gadzhiev G.A., Voynikanis E.A. (2018) May a Robot be a Subject of Law? (Search for the Regulating Digital Economy). *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 4, pp. 24–48 (in Russian)
- Gasnikov K.D. (2002) Animals as Object of Civil Rights. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, no 12, pp. 41–43 (in Russian)
- Kashirkina A.A., Morozov A.N. (2014) *Russia, the Eurasian Economic Union and the World Trade Organization*. Moscow: INFRA-M, 295 p. (in Russian)
- Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. (2018) Law in Digital Reality. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no 1, pp. 85–102 (in Russian)
- Khabrieva T.Ya., Tikhomirov Yu. A. (eds.) (2015) *Concept of Development of Legislation*. Moscow: Norma, 544 p. (in Russian)
- Khabrieva T.Ya. et al. (2017) *Court Practice in Modern Russian Legal System*. Moscow: Norma, 432 p. (in Russian)
- Khludeneva N.I. (2014) *The Defects of Regulating Environmental Protection*. Moscow: INFRA-M, 172 p. (in Russian)
- Kichigin N.V. (ed.) (2017) *Legal Regulation of Recovering Environmental Damage*. Moscow: INFRA, 368 p. (in Russian)
- Kvanina V.V. (2014) State Control and Legal Responsibility in the Sphere of Technical Regulation. *Biznes, Management i pravo*. no 1, pp. 35–41 (in Russian)
- Laskina N.V. (2013) Comment to the Federal Law of 30.12. 2009 № 384-FZ “Technical Regulating Safety of Buildings and Structures”. SPS Consultant Plus (in Russian)
- Lazarev V.V. (ed.) (2003) *General Theory of Law and State*. Moscow: Yurist, 520 p. (in Russian)
- Mikryukov V.A. (2014) Benefits and Burdens of Owning an Animal. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, no 8. pp. 48–55 (in Russian)

- Minina E.L. (2014) Legal Regulating Animal Treatment. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no 12, pp. 80–88 (in Russian)
- Mokhov A.A., Kopylov D.E. (2006) Canines as Objects of Civil Rights. *Yuridicheskiy mir*, no 12, pp. 41–45 (in Russian)
- Naumov A.V. (1996) *Russian Criminal Law*. Moscow: BEK, 560 p. (in Russian)
- Nikolyukin S.V., Utkina I.O. (2008) Features of Emergence and the Termination of the Property Right to Neglected and Ownerless Animals: Collisions of Civil Law. *Yurist*, no 6, pp. 19–27 (in Russian)
- Putilo N.V. (ed.) (2017) *The Right of Citizens for Provision of Medicines*. Moscow: Norma, 216 p. (in Russian)
- Sadikov O.N. (2006) (ed.) *Civil Law*. Moscow: INFRA. 493 p. (in Russian)
- Schupletsova Yu.P. (ed.) (2016) *Legal Regulation of Forest Use and Protection under Russian and Foreign Law*. Moscow: INFRA-M, 272 p. (in Russian)
- Sukhanov E.A. (ed.) (2000) *Civil Law*. Moscow: BEK, 518 p. (in Russian)
- Shakirova D.I. (2018) Legal and Technical Regulating Environmental Protection: Candidate of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 185 p. (in Russian)
- Valeev M.M. (2003) Things as Objects of Civil Relations. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Ekaterinburg, 215 p. (in Russian)
- Vaskovsky E.V. (2003) *Textbook of Civil Law*. Moscow: Statut, 382 p. (in Russian)
- Yakovlev V.E. et al. (2017) *Legal Capacity: Historical, Sectorial and International Legal Analysis*. Moscow: Statut, 434 p. (in Russian)
- Zenin I. A. (2007) *Civil Law*. Moscow: Vyshaya shkola, 567 p. (in Russian)
- Zorkin V.D. (ed.) (2014) *Modern Constitutionalism. Proceedings of Conference to the 20th anniversary of the Constitution of Russia*. Moscow: Norma, 480 p. (in Russian)